

ЗНАЧЕНИЕ «ПАМЯТИ ДИСКУРСА» В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ФРАНЦУЗСКОГО МИГРАЦИОННОГО МЕДИАДИСКУРСА

Н.А. Назарова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Российская Федерация*

Н.В. Хорошева

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Российская Федерация*

“DISCOURSE MEMORY” IN THE TRANSLATION ANALYSIS OF FRENCH MIGRATION MEDIA DISCOURSE

N.A. Nazarova

Perm State University, Perm, Russia

N.V. Khorosheva

Perm State University, Perm, Russia, Author ID: 57213196819

Аннотация. Статья посвящена исследованию французского миграционного медиадискурса в переводческом аспекте. Приводятся результаты модульного дискурс-анализа, проведенного по модели Э. Руле. Материалом исследования является статья газеты «Монд» (2015). Ключевым понятием в переводческом анализе становится «память дискурса» – фоновые знания, ассоциации, контексты и другие элементы пресуппозиции реципиента, которые влияют на понимание и интерпретацию текста. Различия объема «памяти дискурса» между исходным и переводным текстом затрудняют трансляцию смыслов и требуют целенаправленных переводческих приемов для их компенсации.

Ключевые слова: память дискурса, модульный анализ дискурса, миграционный дискурс, миграционный кризис во Франции, «Монд», Эдди Руле.

Введение

Миграционный кризис, начавшийся в Европе в 2014-2015 гг., продолжает оказывать влияние на политику и социальную жизнь в европейских странах (миграционная повестка не покидает программы правых и левых политиков, а Европейский союз последние два года занимается реформой миграционного законодательства). Поскольку дискурс не только отображает, но и формирует действительность, понимание закономерностей изменения дискурса, его траектории критически важно.

В связи с глубокой интегрированностью в национальный культурный и политический контекст миграционный дискурс представляет особую сложность для переводчика, поэтому дискурс-анализ исходных медиатекстов рассматривается как необходимый при определении того, какие элементы дискурса требуют повышенного внимания при трансляции для реципиентов другой лингвокультуры.

Abstract. This article presents the results of a modular analysis of French migration discourse conducted using the Eddy Roulet model based on the example of the article "Des "bons" et des "mauvais" immigrants" published in the newspaper Le Monde by Jocelyne Streiff Féart. The authors of the article conclude that the memory of discourse is of particular interest to translators, since its compensation in the translation text is necessary to achieve the adequacy of the translation.

Key words: discourse memory, modular approach to discourse analysis, migration discourse, France's migrant crisis, Le Monde, Eddy Roulet.

Основная часть

Модульный подход позволяет исследователю охватить сложное дискурсивное явление, полно и вместе с тем точно описать характерные для рассматриваемого типа и жанра дискурса «комбинации информации» [17, с. 1]. Один из главных исследователей модульного подхода, ученый Женевской лингвистической школы Эдди Руле (Eddy Roulet), представил гибкую и универсальную схему требований к организации анализируемого дискурса и текста, которая учитывает бесконечное множество дискурсивных структур и их сложность [5].

Исходя из гипотезы о том, что построение и интерпретация дискурса подвержены ситуативным (референтная среда и ситуация взаимодействия), лингвистическим (синтаксис и лексика используемого языка) и текстуальным (иерархическая структура текста) ограничен-

ниям, Э. Руле разработал пятимодульную систему, включающую интеракционный, референциальный модули (ситуативный компонент), иерархический модуль (текстовый компонент), а также синтаксический и лексический модули (лингвистический компонент) [14]. При этом центральное место в модели занимают синтаксический, иерархический и референциальный модули, поскольку они определяют инфраструктуру дискурса и отвечают за рекурсивность системы [16].

В данной статье мы остановимся на реляционном модуле дискурса, который репрезентирует связи между текстовыми составляющими и информацией в «памяти дискурса» (термин Э. Руле), которая может быть получена из «энциклопедических знаний, из со-текста, из непосредственной ситуации или из умозаключений, вытекающих из того или другого» [16, с. 125]. Это те фоновые знания, которыми, как предполагается, обладает реципиент, и которые могут опускаться в конкретных текстовых фрагментах.

Как это проявляется в текстах политического медиадискурса и в их переводе? Согласно современной теории перевода, восприятие аудиторией текстов перевода через призму своей национальной культуры предопределяет проблемы с пониманием, толкованием либо восприятием некоторых аспектов содержания, а подбор эквивалентов часто невозможен [1]. Политический текст часто насыщен «множеством скрытых и откровенных цитат, реминисценций, аллюзий, метафор», поэтому фоновые знания из различных областей культуры (например, истории государства или его региона) необходимы для его полного и подлинного восприятия [13].

Политический дискурс также преобразует слова из разных сфер языка, используя специальную лексику в переносном смысле и придавая ей оценочное звучание [8]. К особенностям французского политического дискурса можно отнести «внутриязыковые заимствования (зачастую – из военной сферы), эмоциональность и активное использование средств выразительности (в том числе явлений дисфемизации и эвфемизации), стремление к точности при передаче данных, обновление лексического состава политического дискурса» [6, с. 244]. В политическую сферу Франции глубоко интегрированы юридический вокабуляр, а также связанные с представлениями о законотворчестве и правосудии концепты, некоторые из которых относятся к Античности [7].

В медиадискурсе для вызова реакции и отклика у аудитории часто используются «приемы речевого воздействия, завуалированное выражение оценки ситуации, использование культурных концептов и безэквивалентной лексики» [3, с. 197]. К безэквивалентной лексике можно отнести слова-реалии, случайные безэквива-

лентные лексические единицы (лакуны), историзмы, экзотизмы, советизмы, этнокультурную лексику, временно безэквивалентные термины, ситуативные реалии и т.д. [9]. Для перевода слов, не имеющих прямых лексических эквивалентов в языке перевода, используются транскрипция и транслитерация, гиперонимический перевод, уподобление, перифрастический (описательный) перевод, калькирование [4]. Успешный перевод политических текстов требует адаптации и передачи культурно-специфических элементов с учетом особенностей восприятия целевой аудитории. Иными словами, переводчик, знакомясь с текстом, должен определить объем информации, которой должен обладать читающий оригинал носитель языка, и восполнить при переводе те моменты, которыми может не обладать реципиент перевода.

Продемонстрируем это на примере статьи французской газеты «Монд» *Des “bons” et des “mauvais” immigrés?* («Есть ли “хорошие” и “плохие” мигранты?»), опубликованной 16 сентября 2015 г. [18]. Автор – директор по исследованиям Национального центра научных исследований Жоселин Стреф-Фенар (*Jocelyne Streiff Féнар*), утверждает, что во Франции беженцы и трудовые мигранты не равны не только в правах, но и в отношении к ним европейских политиков и граждан: в отличие от беженцев, прием которых воспринимается как «моральный долг», экономические мигранты сталкиваются с негативным отношением и непониманием их отчаянных и часто нелегальных попыток переселиться во Францию, в то время как родная страна относительно безопасна [18]. Ж. Стреф-Фенар напоминает о необходимости оставаться гуманными по отношению к обеим группам и о том, что само по себе желание трудовых мигрантов добиться лучшей жизни не является преступным.

Перейдем к реляционному модулю дискурс-анализа данного текста. Необходимая «память дискурса», которой должны обладать реципиенты данного текста, – осведомленность о политической жизни Франции. Так, читателю важно понимать, какие «ксенофобы» имеются в виде под аббревиатурой *FN*, что такое *CNRS* и кто такой Мануэль Вальс. Кроме того, в тексте есть упоминание фотографии «тела маленького мальчика на пляже Турции». Речь идет о фотографии двухлетнего курдского беженца Айлана Курди, погибшего 2 сентября 2015 г. при попытке пересечь Средиземное море. Фотография, на которой запечатлено тело мальчика, облетела СМИ и потрясла общественность, став символом страданий спасающихся от военных конфликтов на Ближнем Востоке беженцев. В тексте также упоминается произошедшая в 2007 г. в мавританском городе Нуадибу беседа исследователей с готовым отправиться на Канарские острова трудовым мигрантом. Ж. Стреф-Фенар приводит слова своего собеседника, стремящегося покинуть Мавританию в

поисках лучшей жизни и возможности «вернуть социальный долг» своей семье, но не упоминает, были ли еще какие-то причины эмиграции [18]. Между тем Мавритания – одна из беднейших стран Африки, в которой в 2005 г. произошел бескровный военный переворот. Незнание данных фактов если не препятствует поверхностному пониманию ключевой информации текста, то для глубинных уровней интерпретации и переводческого анализа создает существенные трудности.

Рассмотрим стратегии, которые мы использовали для создания адекватного перевода данного текста. При переводе заголовка мы применили стратегию вариативных соответствий. Поскольку текст рассматривает разницу в восприятии «хороших» беженцев и «плохих» трудовых мигрантов, мы перевели *immigrés* как *мигранты* – «лицо, проживающее в чужой стране в течение более одного года, независимо от причин миграции (добровольных или недобровольных) и методов миграции (легальных или нелегальных)» [10]. Это наиболее общий, нейтральный и безоценочный вариант, что соответствует нашему стремлению сохранить тональность ИТ: *Des “bons” et des “mauvais” immigrants? / Есть ли «хорошие» и «плохие» мигранты?*

С помощью данной стратегии мы перевели фрагмент из эссе про разное отношение к мигрантам и беженцам. Для того, чтобы сохранить синтаксический параллелизм при переводе (две пары однородных членов) и соблюсти авторский нейтральный, подчеркнуто внимательный к деталям стиль, мы перевели *sans papiers* как «нелегальные иммигранты», а не как «нелегалы»: «...la ligne de partage passe plus volontiers depuis l'arrêt de l'immigration sur le statut migratoire (*immigrés réguliers versus sans papiers, travailleurs versus immigration familiale*)...» / «...сейчас линия разделения сместилась в сторону миграционного статуса (*легальные и нелегальные иммигранты, трудовая и семейная миграция*)...»

Руководствуясь «памятью дискурса», при переводе данного текста мы также прибегали к контекстуальным заменам. Например, в исходном тексте использовалось выражение *réfugiés politiques*, дословно – *политические беженцы*. Однако во французском языке это «лица, бежавшие из своей страны из-за преследований, связанных с их политическими взглядами или деятельностью [...] часто [ими] являются отдельные лица (активисты, журналисты, артисты и т. д.) которые высказывали критику в адрес своего правительства или участвовали в оппозиционных движениях, осуждаемых властями их родной страны» [19]. В русском языке «политический беженец» означает «лицо, которое находится вне своей страны и опасается туда вернуться в связи с риском преследования из-за расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной

группе или политических убеждений» [12]. При этом речь в тексте идет не о политических мигрантах: ссылка на гибель Айлана Курди и массовость миграционного потока показывает, что автор имеет в виду массовое бегство от войны на Ближнем Востоке. Автор говорит не о людях, пострадавших за свою политическую деятельность или убеждения, а о тех, кто покинул дом, спасаясь от войны. В русском языке данное семантическое значение выражается понятием «беженец» [11]. В опубликованной на русском языке академической литературе и СМИ речь идет о «мигрантах и беженцах» [2].

Мы использовали также эквивалентные соответствия. *Migrants économiques* – это иностранцы, въехавшие в страну для осуществления трудовой деятельности. Этот термин не имеет прямого указания на то, находится ли он легально или нет на территории страны, несмотря на то что у многих это понятие ассоциируется с нелегальной миграцией [15]. В русском языке данное значение выражается лексемой «трудоустроенный-мигрант» или «трудоустроенный мигрант»: *La distinction entre migrants économiques et réfugiés politiques repose sur une base légale... / Различие между трудовыми мигрантами и беженцами имеет юридическую основу...*

Перейдем к передаче имен собственных. При работе с топонимами мы стремились не просто переложить название упомянутого места на русский язык, но восполнить необходимую для понимания текста «память дискурса». В рассматриваемой публикации упоминается разговор ученых и камерунского мигранта, который намеревается добраться из Нуадибу до Канарских островов на лодке. Французский читатель «Монд», скорее всего, имеет представление, где эти точки находятся на карте (Нуадибу – город Мавритании, бывшей колонии Франции) и почему этот план крайне опасен. Русскоязычный реципиент, прочитав названия этих мест, вероятно, не поймет их настолько же глубоко, если он, конечно, не является африканистом. По этой причине при переводе топонимов мы использовали добавления: ... *comme nous l'expliquait ce migrant camerounais en attente de la pirogue pour rejoindre les îles Canaries rencontré à Nouadhibou en 2007... / Как объяснил нам в мавританском Нуадибу в 2007 г. камерунский мигрант, ожидавший лодку, чтобы проплыть на ней почти 800 километров до Канарских островов...*

Оперативная информация, содержащаяся в одном из переводимых текстов – призыв, а не требование. В тексте про отношение к беженцам и трудовым мигрантам автор призывает не воспринимать вторых по умолчанию негативно. Текст выдержан в нейтральном стиле, не содержит восклицательных предложений или других способов выражения эмоциональной информации. Однако при использовании императива в русском переводе результат имел бы большую степень эмотивной категоричности

(ср. «Будем же осторожны, чтобы не спутать незаконность их действий с незаконностью их стремлений!»), поэтому мы проводим грамматическую замену и меняем значение призыва на менее эмоциональное значение должествования: *Mais prenons garde à ne pas confondre l'illégalité de leur démarche et l'illégitimité de leur quête. / Но мы должны быть осторожны, чтобы не спутать незаконность их действий с незаконностью их стремлений.*

Одна из частей публикации озаглавлена как *Délégitimation des migrants économiques*. Одно из значений *délégitimation* – признание чего-то незаконным, однако описываемый процесс на русском точнее может быть назван «обесцениванием», поскольку речь идет о повсеместном ухудшении отношения, растущем пренебрежении к трудовым мигрантам, низведении их вклада в экономику и социальную жизнь до исключительно негативного. Используемая

нами стратегия перевода – контекстное соответствие: *Délégitimation des migrants économiques* / Обесценивание экономических мигрантов.

Заключение

В целом переводческие трудности разнообразны: разные типы специальной лексики, безэквивалентная лексика, имена собственные, передача эмоциональной и оперативной информации, метафоры и т.д. Мы приходим к выводу о том, что значительная их часть имеет в своей основе разницу в объемах «памяти дискурса». Таким образом, модульный дискурс-анализ Э. Руле оказывается эффективным при поиске элементов дискурса, заслуживающих особого внимания переводчика.

Список литературы

1. Айтмагамбетова, А.У. Основные способы передачи лингвокультурологического аспекта перевода медиа-дискурса / А.У. Айтмагамбетова. Текст: непосредственный // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Сер. «Филологические науки». 2016. №2. (41). С. 48–57.
2. Бибилова, О.П. Миграционный кризис 2015 г. в Европе и его последствия / О.П. Бибилова. Текст: непосредственный // Актуальные проблемы Европы. 2016. №4. С. 61–82.
3. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Н. Костомаров. Москва: Русский язык, 1990. 246 с. Текст: непосредственный.
4. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. Москва: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с. Текст: непосредственный.
5. Грушевская, Т.М. Модулярный подход к анализу текста/дискурса: вклад женеvской лингвистической школы / Т.М. Грушевская, Н.Ю. Фанян. Текст: непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. Т. 2. 2012. С. 160–163.
6. Летучина, Т.А. Особенности перевода современного политического дискурса (на материале французского языка) / Т.А. Летучина. Текст: непосредственный // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2010. №2. С. 244–248.
7. Логинова, П.Г. К вопросу о значимости юридической лексики в процессе освоения языка французского политического дискурса / П.Г. Логинова. Текст: непосредственный // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С.Г. Стерлигова. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 145–150.
8. Переходько, И.В. Лексико-стилистические средства реализации персуазивной функции французского политического дискурса / И.В. Переходько. Текст: непосредственный // Вестник ОГУ. 2015. №11 (186). С. 160–164.
9. Подгорская, К.С. Особенности перевода политической безэквивалентной лексики в рамках медиа-дискурса (на материале «The New York Times») / К.С. Подгорская, М.В. Ласкова. Текст: непосредственный // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 27(4). С. 34–44.
10. Организация Объединенных Наций. Определения. Беженцы и мигранты. [Электронный ресурс]. URL: <https://refugeesmigrants.un.org/ru/definitions> (дата обращения: 14.09.2025). Текст: электронный.
11. Рыкова, А.С. Особенности различия гражданско-правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев в России / А.С. Рыкова. Текст: непосредственный // Столыпинский вестник. 2020. №2. С. 262–267.
12. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Кто является беженцем? Убежище в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://help.unhcr.org/russia/asylumrussia/> (дата обращения: 01.09.2025). Текст: электронный.
13. Чудинов, А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А.П. Чудинов. Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. 2012. №2. С. 53–59.

14. Momha, M. La textologie : analyse du discours ou linguistique textuelle? Le modèle structuromodulaire en textologie / M. Momha. Blog, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://martinmomha.canalblog.com>. (дата обращения: 20.04.2025). Текст: электронный.
15. Pascouau, Y. Qu'est-ce qu'un migrant économique? Migrations en Questions / Y. Pascouau. [Электронный ресурс] URL: https://www.migrationsenquestions.fr/question_reponse/715-quest-ce-quun-migrant-economique/ (дата обращения: 14.09.2025). Текст: электронный.
16. Roulet, E. A modular approach to discourse structures / E. Roulet. Текст: непосредственный // Pragmatics 7:2, 1997. С. 125–146.
17. Šimunić, Z. Une approche modulaire des stratégies discursives du journalisme politique / Z. Šimunić. Thèse de doctorat, Université de Genève. 2004. 406 с. Текст: непосредственный.
18. Streiff Fénart, J. Des « bons » et des « mauvais » immigrés? / J. Streiff Fénart. Текст: электронный // Le Monde. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2015/09/16/des-bons-et-des-mauvais-immigres_4759270_3232.html (дата обращения: 05.04.2025).
19. World Vision France. Comprendre et soutenir les réfugiés politiques. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvision.fr/soutenir-les-refugies-politiques/> (дата обращения: 14.09.2025). Текст: электронный.

Сведения об авторах

НАЗАРОВА Надежда Антоновна, nadezhda.nazarova.2001@mail.ru

аспирант кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия)

ХОРОШЕВА Наталья Владимировна, romanphyl@gmail.com

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия)

Для цитирования: Назарова, Н.А. Значение «памяти дискурса» в переводческом анализе французского миграционного медиадискурса / Н.А. Назарова, Н.В. Хорошева. Текст: электронный // DIDACTICA TRANSLATORICA. 2025. № 4. С. 35–39.